

ЛЕОНИД ПАВЛОВ

“ПОЮЩИЕ ПЕСКИ”

Много есть в мире загадочного и неизведанного, удивительного и необъяснимого. Одним из таких природных феноменов являются поющие пески.

Пришлось как-то мне посетить геологическую партию, ведущую поиски на юге Казахстана, в ста километрах от Алма-Аты, на правом берегу реки Или. Работали мы в кернохранилище, в камералке, но иногда выезжали и в поле на поисковые скважины. Какой геолог удержится, чтобы не посмотреть свежий, только что поднятый керн*, описать, опробовать его и сравнить с полученными результатами по соседним профилям.

Выезжали в поле мы всей командой, а сопровождал нас обычно Леонард Фёдорович Андреюшкин, мой старый знакомый, с которым мы разбивали первый поисковый профиль на этом месторождении. На этот раз нас заинтересовал самый южный участок, на котором в четырёх километрах к северу от реки Или геологи вскрывали руду на глубинах около семисот метров. К двум часам дня мы закончили работу на скважине и решили перекусить на берегу реки.

Места эти мне были хорошо знакомы ещё по концу семидесятых годов, когда одновременно с поисками руды мы осваивали здесь самые удачные рыболовные угодья. Это были самые любимые места отдыха всей партии. Весной, в первое воскресенье апреля, а это святой для нас праздник – День геолога, – сюда съезжались все, от мала до велика, устраивали всяческие соревнования, ловили рыбу, жарили шашлыки, распевали песни и распивали предосудительные напитки...

На обед мы расположились на высокой ровной террасе, под старой раскидистой джидой. Земля под ней была устлана мягким ковром прошлогодних листьев. Хорошо! Понизу ветерок освежает, от солнца крона свой зонтик раскрыла. На западе, не доходя километра два до берега, вздымается крутой обрыв Большого Калкана, на севере темнеет гряда низкогорья Катунь, ниже в тридцати метрах величаво несёт свои мутные воды красавица Или, накрытая сеткой солнечных бликов.

Алихан впервые попал в эти места, и поскольку любопытство оставалось одной из главных черт его натуры, никогда не стеснялся мучить вопросами знающих людей. И надо сказать, это всегда меня радовало в нём: умение искренне удивляться и задавать всякие вопросы. Иногда довольно умные.

– Григорьич, я где-то читал, что на правом берегу Или, в районе Калкан есть знаменитый “Поющий бархан”. Туда даже туристов возят за бешеные бабки. Что это за хрень? Он далеко отсюда? Что, он действительно поёт?

---

* Керн – образец горной породы, извлечённый из скважины посредством специально предназначенного для этого вида бурения. – **Ред.**

— Поёт, поёт. Только не рок и не блюз; он гудит, как бомбардировщик на взлёте. Но не каждый день. Зимой он молчит, как партизан, а вот летом, в самую жару, в июле-августе при сильном ветре он и устраивает свои концерты. Да он здесь не один, их здесь несколько, целый песчаный массив, который так и зовётся — Аккум-Калкан. Здесь все Калкан: Улькен — Большой, Киши — Малый и Аккум — Белый песок соответственно. Местная достопримечательность. Я был на Песках раза три, но всё неудачно как-то — ветра не было. Он здесь недалеко, километра три будет, но отсюда не видно, южный скат горы перекрывает. Как раз между двумя Калканами бархан и располагается. Но это уже территория заповедника, туда без спроса ходить не рекомендуется. Ты, Леонард, наверняка бывал там не раз?

— Ездили, а как же. Один раз целую делегацию из Москвы возили, но с погодой не повезло. Ветер был подходящий, но накануне дождь прошёл, и песок был мокрый. Вон там, за бугром, на границе заповедника егерский кордон стоит, егерь там и живёт с семьёй. Его я хорошо знаю, он часто приезжает к нам то в магазин, то по своим каким-то делам. В прошлом году здесь такой переполох был, чуть дело до суда не дошло. Один буровик, му...к, по пьяни заскочил на территорию на мотоцикле, да ещё с ружьём. Погнался за карауйрюком*, ранил его даже, а егерь его прищучил.

— Подсудное дело. Буровика с работы выгнали, еле отмазались. Сейчас наши боятся даже соваться туда без разрешения.

— Леонард Фёдорович, время у нас есть, погода хорошая, может, проскочим до кордона? Если хозяин на месте, договоримся, пусть ребята посмотрят на чудо природы.

Алихан с водителем даже заёрзали в предвкушении. Как же так, быть рядом со знаменитой Поющей горой и не побывать на ней? Люди вон за тысячи километров едут, платят громадные деньги, а тут на халяву! Будет что вспомнить...

— Ну, поехали, попробуем.

Леонард сел в кабину показывать дорогу, а мы с Алиханом — на мягких сиденьях в будке. Дорога была приличной, но частые промоины не позволяли водителю и пассажирам расслабляться. Перевалив пологий бугор, мы въехали на охраняемую территорию. В километре от границы находился кордон, резиденция егеря Калканского государственного заповедника. Участок обнесён забором, в глубине двора виднелся большой деревянный дом, какие-то хозяйственные постройки.

Мы с Леонардом прошли в калитку и с большой опаской (а вдруг злая собака!) двинулись к дому. На шум машины на крыльцо вышел рослый юноша лет пятнадцати. Подошли, поздоровались, с Леонардом они были знакомы раньше.

— Стёпа, а отец дома?

— Отца нет, утром уехал в район, вернётся только завтра.

— Тут такое дело, Степан. В партию приехали геологи из Алма-Аты, наши хорошие знакомые. Наслышаны о наших достопримечательностях. Завтра собираются уезжать, а сегодня решили посмотреть на знаменитый Поющий бархан.

— Так молчит бархан, погода неподходящая, ветра нет. Он у нас редко разговаривает, только при сильном ветре, да и то с севера и с запада. А при восточном ветре, даже в бурю, молчит, как рыба. Вы же были у нас, Леонард Фёдорович, дорогу знаете. Проезжайте, покажите гостям, что к чему, а я не могу оставить кордон, мне ещё живность кормить надо.

— Спасибо, Степа. В партию мы хотим вернуться северной дорогой, проскочим между Калканами. Там буровая наша, надо заехать.

Минут через десять по хорошо накатанной дороге, изрытой промоинами, мы подъехали к величественному природному сооружению. Все пассажиры высыпали из машины. Для нас с Леонардом этот вид был знаком, а вот джигиты мои пооткрывали рты, задрав головы вверх.

— Ни хрена себе куча! Где они столько песка насобирали?

Бархан действительно выглядел впечатляюще. Мы были возле самой крупной песчаной гряды, высотой не менее восьмидесяти метров, вытянутой в северо-западном направлении почти на километр, юго-восточный борт

---

* Местное название джейрана. — Ред.

у неё подветренный, поэтому крутой. С наветренной северо-западной стороны подъём на бархан более пологий, изрытый дефляционными воронками, то есть воронками выдувания. Второго, более низкого бархана, примыкающего к основному с севера, с нашей стоянки было не видно. Алихана заинтересовал один момент в расположении и ориентировке песчаных гор.

— Григорьич, то, что барханы расположены между двумя горами, между Калканами, мне немного понятно, но почему они стоят так нараскоряку, до меня не доходит. Река Или бежит в широтном направлении, в этом же направлении — обрывы Калкан, а бархан как-то сикось-накось, градусов под шестьдесят к ним. На берегу Или все пески вытянуты вдоль берега, а здесь что произошло?

— Ты геолог, ты должен понять. Посмотри внимательно на горы. И Улькен и Киши-Калкан — это один горный массив, но разорванный северо-западным тектоническим разломом на две неравные части. Разлом этот — типичный сбросо-сдвиг, причём западный блок, Киши-Калкан, сдвинут на юго-восток почти на полкилометра. Ты видишь, оси хребтов параллельны друг другу, но не совпадают по простиранию почти на пятьсот метров. Улькен находится дальше от реки. Барханы — это эоловые образования, они формируются под воздействием ветра, причём располагаются они всегда поперёк преобладающего направления воздушных потоков. Крутые склоны находятся с подветренной стороны. Основные направления ветров в этом районе — западное, юго-западное и северо-восточное. Поскольку крутой склон бархана ориентирован на юго-восток, то он может быть образован только северо-западным ветром. Вроде несуразица какая-то получается, если забыть о расположении двух частей горного массива относительно друг друга. Западные ветры, наиболее сильные и частые, дующие вдоль долины и зажатые с севера горами Шолак и Матай, через естественные ворота между Калканами обрушиваются вниз, в Илийскую долину, меняя при этом направление на северо-западное. Вот поэтому, Алихан, наши барханы и стоят нараскоряку, как ты говоришь. По карте это видно хорошо, а в натуре с одной точки всего не узрешь.

— А чего они такие музыкальные? Барханов в Казахстане, как собак нерезаных, а поёт один. И слава вся ему.

— Точнее, он не поёт, он ревет, как бешеный, но только его надо рассердить. Всё дело в составе этого песка и в его сортировке. Посмотрите на его цвет — он белёсый, с небольшой желтизной, потому что процентов на девяносто состоит из кварца. Остальное — примесь полевых шпатов, других кремнистых пород. И сортировка почти идеальная: содержание фракции 0,05–0,5 мм превышает девяносто процентов.

О причинах звучания песка существует много догадок. Однако все они относятся к нежному поскрипыванию песка при его движении, но не объясняют гула. Мне кажется, что гул песка — звук, очень похожий на рёв реактивного самолёта, — можно объяснить следующим. В любом бархане на небольшой глубине образуется слой уплотнённого влажного песка. Весной после дождей, а также осенью он смыкается с поверхностным, тоже влажным слоем — и тогда бархан становится немым. Летом в жару песок сверху высыхает, влажный слой, возникающий вследствие конденсации влаги из воздуха, залегает глубже, но под ним снова идёт сухой песок. Когда по бархану течёт песчаная лавина, то верхние слои песка, испытывая меньше трения, обгоняют нижние, при этом возникает своеобразная, хорошо заметная волнистость поверхности. Она передаётся толчками на слои влажного песка, и он, как дека музыкального инструмента, резонирующая от колебания струны, начинает вибрировать, издавая характерный гул.

Между прочим, когда такой песок привозят для изучения в лабораторию, он замолкает. Но если его поместить в герметически закрытый сосуд, он снова начинает звучать. Почему? Пока можно только высказывать предположения.

Таких чистых песков в обычных пустынях не бывает. В мире известны ещё несколько песчаных гор, подобных нашей, но их единицы. А в Казахстане Аккум-Калкан единственный и неповторимый. Звук возникает при трении кварцевых песчинок между собой, когда сильный ветер начинает перемещать песок по поверхности. Особенно сильный рёв начинается тогда, когда бархан начинает куриться и песок стекает по крутому склону. Ну, всё, ребята, я рассказал, что знал. Алихан, а вы не хотите с Булатом забраться на эту гору?

– А чего мы там забыли? Бархан-то молчит, как покойник.

– Ну, как-то так принято. Все, кто приезжает сюда в первый раз, обязательно карабкаются наверх, а потом спускаются оттуда на пятой точке.

Поднимаемся на бархан по острому песчаному гребню. Поднимаемся медленно, шаг за шагом. И кажется, что идём по узкому коньку крутой крыши. Песок то странно поскрипывает под ногами, словно скрипучий снег на морозе, то с шорохом ползёт из-под ног, и ветер тогда целыми пригоршнями швыряет его в глаза.

Больше всего хочется пить.

Горячий ветер засвистывает в ушах, да на зубах поскрипывают песчинки. И рыжие космы песчаной позёмки текут и текут по склонам, полируют их, гладят, кидают к вершине тучи песка. И вершина курится, как вулкан.